

© 2010 г. Р.Ф. КАСАТКИНА

СПЕЦИФИКА СЕВЕРНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ – СУБСТРАТНАЯ ИЛИ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ?*

Статья посвящена разграничению в языковом континууме севернорусского наречия следов ареального воздействия и фонетических особенностей, обусловленных генетически. Особое внимание уделено роли произносительных особенностей, проявляющихся на дофонемном уровне.

В связи с выявлением совокупности фонетических черт, общих для северноевропейского ареала, обсуждается вопрос о включенности севернорусского наречия в рамки северного языкового союза.

Севернорусские говоры характеризуются комплексом особенностей, обязанных своим происхождением контактам с соседними прибалтийско-финскими и балтийскими языками.

В настоящей статье обсуждаются субстратные явления, относящиеся преимущественно к звуковому уровню севернорусского наречия, и в связи с этим делается попытка решить следующие вопросы, имеющие общелингвистический характер: 1) как разграничить в языковом континууме при контакте неродственных языков ареальное воздействие и генетически исконное тождество; 2) какова роль нефонематических, «субфонемных» признаков в формировании общей звуковой картины идиома; 3) как охарактеризовать языковую общность севера Европы, состоящую из разных языков, в том числе и принадлежащих к разным языковым семьям?

Субстратные языковые явления отмечаются на разных ярусах языковой системы севернорусского наречия. Как и в других ситуациях языковых контактов, наиболее подверженным иноязычному воздействию оказывается лексический уровень. Большое количество фактов, подтверждающих это положение, собрано в трудах С.А. Мызникова, А.Л. Шилова, Я. Саарикиви и др. Яркое выраженный субстратный характер носит и топонимика русского Севера, что нашло отражение в фундаментальной трехтомной монографии А.К. Матвеева [Матвеев 2001; 2004; 2007], в диссертации Я. Саарикиви [Saarikivi 2006] и в целом ряде других работ.

На грамматическом уровне к числу субстратных явлений обычно относят особенности управления переходных глаголов типа *земля пахать, изба ставить*, синтаксическую конструкцию *у него в город уехано, у неё уйдено*, а также функционирование артиклеобразных постпозитивных частиц. О грамматической роли таких частиц см. [Wiedemann 1884; Veenker 1967; Kuzmenko 2001] и др.

Наличие в глагольной системе ряда севернорусских говоров категории плюсквамперфекта, которая существует также в некоторых прибалтийско-финских языках (например, водском, см. [Агранат 2005]), можно считать наследием древнерусского языка, сохранившимся благодаря языковым контактам.

Что касается фонетического уровня севернорусских говоров, то в качестве присущих им субстратных черт обычно называют *цоканье* и *ляпанье*, а также

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН «Фонетические отцы и дети начала XXI века». Автор выражает искреннюю признательность Ю.А. Клейнеру и Т.М. Николаевой за внимательное прочтение текста статьи и за сделанные конструктивные замечания.

спорадическое оглушение звонких и озвончение глухих согласных¹. Это явление было отмечено в нескольких говорах Архангельской и Вологодской обл.: *охó[д]а* – *охóта*, *собá[г]а*, *собá[г]у* – *собáка*, *собáку*, *то́ль[г]о* – *то́лько*, *ото[жó]л* – *отошёл*, *тихóнь[г]о* – *тихóнько*, *поохó[д']иться* – *поохóтиться*, *по[д]орáпливают* – *поторáпливают*, *пла[д]óк* – *платóк*, *вы[зоун'о]т* – *высохнет*, *запí[зоц']ки* – *запíсочки*, *[ц'ез]ы́* – *часы́* (см. [Пауфошима 1969: 211–212]). О.Б. Ткаченко в костромских и ярославских говорах отметил следующие случаи мены звонких-глухих согласных: *[пад]óг* – *батóг*, *зёр[г]ало* – *зёркало*, *[к]адю́ка* – *гадю́ка*, *[пáп]а* – *ба́ба*, *бу[ж]еваться* – *бушевáться*, *лén[д]а* – *лénта*, *ло- [г]оть* – *ло́коть*, *пя[д']истéнок* – *пятистéнок*, *са[б]óг* – *сапóг*, *свиré[б]ой* – *свиréный* и др. (цит. по [Востриков 1990: 35]).

Ф. Видеман, П.С. Кузнецов, а позднее В. Фенкер указывали также на переход *l > w* в некоторых фонетических позициях в севернорусских говорах как на одну из типичных черт финно-угорского субстрата (*ко[w]* – *кол*, *ма[w]* – *мал*, *по[w]* – *пол*, *пошó[w]* – *пошёл*, *[з'д'éлаw]* – *сдёлал*, *бó[w]ше* – *больше*, *пó[w]ка* – *пóлка*, *то[w]кóвый* – *толкóвый*). Случаи такого произношения отмечены в [Wiedemann 1884: 27; Кузнецов 1949: 32; Veenker 1967]².

Как видно, список обычно обсуждающихся ф о н е т и ч е с к и х проявлений финно-угорского субстрата в севернорусских говорах довольно короток, и причина такой краткости видится в том, что исследователи субстрата обычно обращают внимание только на такие фонетические явления, которые оказываются заметными на ф о н е м н о м уровне либо (в более редких случаях) на уровне д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы х признаков.

М.В. Панов пишет: «Всё в звуковой материи делят обычно на фонологически существенное, релевантное, входящее в оппозиции – и фонемно-несущественное, не составляющее оппозиций» [Панов 2004: 411]. И вот как раз именно это «фонемно-несущественное» может иногда быть хранителем ценнейшей, уникальной информации о давних языковых контактах. Кроме того, пренебрежение этой «дофонемной», или субфонемной, фонетикой в большой степени обедняет наше знание о звуковом строе того или иного идиома.

Исследования последнего сорокалетия, проведенные именно на столь необходимом субфонемном уровне, дали возможность существенно пополнить приведенный краткий список фонетических субстратных явлений в севернорусских говорах. Согласно наблюдениям С.С. Высотского, в севернорусских говорах существуют такие нефонематические (невалоризованные, по Р.О. Якобсону) явления, как отсутствие заметной веляризованности твердых согласных [Высотский 1978: 115], что свойственно также и языкам, с которыми эти говоры контактируют; наличие имплозивных смычных в позициях конца слова и слога (*потóп*, *кот*, *ток*, *пятóк*, *пýтка*, *лáпка* и др.) [Там же: 119–120]. Особенно ярко эта черта выражена в северо-восточных (вятских) говорах. Категория имплозивных согласных свойственна и прибалтийско-финским языкам, что проявляется, в частности, в наличии в их звуковом строе геминированных согласных. Заднеязычные аффрикаты вместо соответствующих смычных согласных (*з̥ʷóрод*, *з̥ʷорá*, *о̥ʷурéц*) в говорах Прионежья С.С. Высотский также связывает с проявлением финского субстрата [Там же: 121].

К списку субстратных явлений С.С. Высотский относит и севернорусские двухфокусные лабиовелярные согласные: *[xʰ]* ([*фʰ*]), *[ɣʰ]* ([*вʰ*]) – *[фʰ]óя*, *[фʰ]ост*; *ко[вʰ]дá*, *то[вʰ]дá*. На существование таких согласных в ряде русских диалектов обратил внимание Р.И. Аванесов. Он отметил такие звуки, образуемые со сложной двухфокусной артикуляцией – губной и велярной (заднеязычной), на одном и том же консонантном сегменте в ряде южнорусских и среднерусских говоров [Аванесов 1949: 166]. П.С. Кузнецов приводит многочисленные случаи варьирования губных и заднеязычных в ар-

¹ Некоторые лингвисты считают, что и сохранение севернорусского полного *о канья* также обусловлено угро-финским воздействием.

² О.В. Востриков для демонстрации этой диалектной черты приводит дразнилку, записанную в Костромской обл.: *Взяу науку, убиу гауку* [Востриков 1990: 34].

хангельских говорах [Кузнецов 1949: 29–31]. Позднее С.С. Высотский описал артикуляцию двухфокусных [ф^х], [ф^х], [γ^х], показал ее на рентгенограммах и квалифицировал это явление как субстратное и свойственное не только южным, но и севернорусским говорам [Высотский 1978: 123]³.

Обсуждая фонетику некоторых прибалтийско-финских языков (саамского, финского, эстонского и др.), нельзя не отметить такую яркую их характеристику, как отсутствие в консонантной системе шипящих, т.е. в этих языках категория сибилантов представлена только одним рядом – рядом свистящих согласных.

Сибиланты, согласно Д. Кристалу, – это фрикативные согласные, чьи шумовые характеристики расположены в области высоких частот (*s, z, ʃ, ʒ*) [Crystal 1987: 157]. Одни ученые называют сибилантами только свистящие спиранты, другие – свистящие и шипящие. Для ряда прибалтийско-финских языков характерно существование только одного ряда сибилантов – свистящих и отсутствие шипящих. В современных севернорусских говорах, как и в русском языке на всей его территории, на фонемном уровне существуют два ряда сибилантов – свистящие и шипящие. Однако в фонетической системе севернорусского наречия наблюдаются следы бывшего неразличения двух рядов сибилантов, и об этом свидетельствует целый ряд фонетических явлений.

Свидетельства прежнего состояния системы хранят памятники севернорусской письменности. Единичные случаи мены шипящих на свистящие отмечает А.А. Зализняк в новгородских берестяных грамотах (*здуци* – ожидая, *ризи* – рыжий, *мезень* – межень) [Зализняк 2004: 48, 52]⁴. В «Слове о полку Игореве» находим *шизым* – *сызым*. Замена свистящих согласных шипящими, так же как и обратная мена, была отмечена в псковских памятниках XIV–XV вв. А.А. Шахматовым, Н.М. Каринским, Т.Н. Кандауровой. Е.А. Галинская приводит следующие примеры писцовых ошибок из рукописных новгородских памятников XVI–XVIII вв.: *сушпán* (*шушпán* – вид одежды), *слýпа* (*шлýпа*), *рогóз* (*рогóж*), *рогóзинное* (*рогóжинное*), *рожрýдом* (*разрýдом*) [Галинская 2002].

В современных севернорусских говорах также sporadически отмечаются «сбои» в употреблении свистящих и шипящих, что зафиксировано в материалах для «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы». Из 1458 обследованных населенных пунктов это явление отмечено в 127: собрано 438 примеров произношения свистящих или средних между шипящими и свистящими на месте шипящих и 144 примера произношения таких звуков на месте свистящих; см. [Касаткин 1999: 359]⁵.

Колебания в произношении свистящих и шипящих в севернорусских говорах сохраняются в определенном слое лексики до сих пор (*залéзо* – *желéзо*, *рогóза* – *рогóжа*, *зэни́х* – *жени́х*, *соштóк* – *состóк* – *шестóк*, *солны́ша* – *шолны́ша*, *салáш* – *шалáс* – *шалáш*, *сашмýра* – *сасмýра* – *шасмýра* – *шашмýра* и др.), причем чаще всего подобное беспорядочное варьирование наблюдается в чисто диалектных словах, не имеющих соответствий в литературном языке. Часть из них – лексические заимствования из прибалтийско-финских языков.

В условиях языкового контакта севернорусы воспринимали сибиланты языка-источника как шипящие (т.е. «несвистящие»), поэтому в большом количестве заимствований из прибалтийско-финских языков свистящим в идиоме-доноре соответствуют шипящие звукотипы. Это ярко проявляется в севернорусской топонимике субстратного происхождения, что отражено в монографии А.К. Матвеева (например, формант *-шалга*

³ Свидетельством прежней лабиовелярности [х^ф] ([ф^х]) в прибалтийско-финских языках может служить чередование звуков [hv]–[f], проявляющееся при заимствованиях из русского языка: вепс. *fastun* – русск. *хвастун*, ливв. *fataija* – русск. *хватать* и др., см. [Мызников 2004: 357].

⁴ А.А. Зализняк не фонетист и специально характером сибилантов в новгородских памятниках не занимался, так что вполне вероятно, что приведенный им краткий список примеров может быть дополнен при более пристальном анализе материала новгородских берестяных грамот.

⁵ В студенческие годы я участвовала (вместе с Е.А. Брызгуновой) в диалектологической экспедиции по программе сбора материалов для этого атласа в д. Большой Двор Белозерского р-на Вологодской обл., где обратила внимание на это явление и потом на заседании НСО (научного студенческого общества) сделала доклад «Соканье и шоканье в говоре деревни Большой Двор».

в таких севернорусских топонимах, как *Кимшалга*, *Ревошалга* и др. восходит к фин. *selkä*, вепс. *selg* – ‘спина’; формант *-личма* в топониме *Чёлмаличма* восходит к фин. *lisma* – ‘грязь’, ‘ил’), см. [Матвеев 2001: 227, 239–240 и др.], форманты *Кош-*, *Чич-*, *Нюхч-* восходят соответственно к фин. *koski* – ‘порог’, прасаамск. **cice* – ‘сетевая краска’, прасаамск. **ñukse* ‘лебедь’ [Матвеев 2004: 44, 102, 218 и др.]. Показательны также случаи мены свистящих и шипящих в следующих топонимах субстратного происхождения: *Векшеньга*, *Кипшеньга*, *Кярженьга*, *Шарженьга* и *Курсеньга*, *Пурсанга*, *Талзанга*, *Юмзеньга*⁶ [Матвеев 2007: 38], где варьирование свистящих и шипящих сибилантов наблюдается в генетически одном и том же форманте *-сеньга* (*-саньга*) – *-шеньга*.

Целый ряд топонимических формантов такого рода приводится и в диссертации Я. Саарикиви, например *-щелья* от *selkä* (фин. ‘высокий берег реки’), *Шул-* от *sul-* (саамск. ‘плавленный’, ‘растаявший’), *Шуб-* от *surē* – (протосаамск. ‘осина’). То же наблюдается и в многочисленных севернорусских апеллятивах – заимствованиях из прибалтийско-финских языков, например, *кяржина* и *кярзина* ‘вход в подполье’ (от ливв. *kuarzie*), *ушкуй* и *ушкой* ‘вид лодки’ (старофин. *wisko*), *шалáка* и *салáга* ‘рыба-уклейка’ (ливв. *salat’i*), *шэльга* ‘кряж’ (ливв. *sel’gü*) [Мызников 2004: 360]; *чільма* ‘окно в болоте’ (от старофин. *silma* ‘глаз’), *чólма* и *шólма* ‘пролив’ (от фин. *solma*) и др. [Saarikivi 2006].

В 1996 году мы обнаружили один русский говор, где рассмотренное функционирование только одного ряда сибилантов вместо двух – явление живое. Это говор так называемых «турчан», русских старообрядцев, выходцев из Турции, ныне живущих в североамериканском штате Орегон. В настоящее время говор турчан – один из диалектов южнорусского наречия, но по ряду лингвистических свидетельств можно утверждать, что его носители происходят из псковских земель, см. об этом [Касаткина, Касаткин 1998; Касаткин 1999: 328–361]. В архаическом слое этого говора представлен только один ряд сибилантов, а именно апики-альвеолярные круглощелевые согласные: [с^ш], [с’^ш], [з^ж], [з’^ж], [ц^ч], [ц’^ч]; при артикуляции этих согласных передняя часть языка вместе с кончиком прижата к альвеолам. Такие звуки произносятся как на месте свистящих, так и на месте шипящих, например: *на*[с^ш], [с’^ш]*емь*, *я*[з^ж]*бж*, [з’^ж]*или*, [ц^ч]*ёрква*, *пé*[ц’^ч]*ка* и др. При указанном неразличении свистящих и шипящих слова, составляющие в русском литературном языке минимальные пары, такие как *крыса* и *крыша*, *нас* и *наш*, *рогоза* и *рогожа*, *зарево* и *жарево*, в говоре турчан произносятся одинаково. Перцептивно такие сибиланты производят впечатление «тусклых» (англ. «dark»).

Такое состояние сибилантов в говоре турчан дает основание для реконструкции соответствующей категории согласных в севернорусских диалектах на более раннем этапе их развития. Одним из ярких и последовательно сохранившихся следов бывшего неразличения свистящих и шипящих в этом ареале является *ц о к а н ь е*.

От так называемого *ш ó к а н ь я* (термин А.М. Селищева [Селищев 1931]), т. е. неразличения твердых свистящих и шипящих, следует отличать *шепелявенье*, т. е. произношение мягких свистящих с шипящим призвуком, чему в артикуляционном аспекте соответствует смещение локуса реализации этих согласных из зоны передненебной в п а л а т а л ь н у ю, а в акустическом аспекте – понижение шумовых составляющих спектра. Это фонетическое явление широко представлено в ареале севернорусского наречия. Артикуляционные характеристики диалектных шепелявых согласных подробно описаны в работах А.М. Кузнецовой [Кузнецова 1969; 1977]. Внешне похожее на «шоканье», шепелявенье имеет другой генезис: мягкие палатальные согласные известны многим славянским языкам, и по-видимому, их наличие в том или ином славянском идиоме является континуантом более раннего состояния системы. Впрочем, не исключено, что сохранению этой реликтовой черты в севернорусских говорах⁷ способствовал контакт с прибалтийско-финскими языками.

⁶ См. также чередования по глухости-звонкости в форманте *-сеньга* – *-зеньга*, *-шеньга* – *-женьга*.

⁷ В некоторых финно-угорских языках, например в языке коми, функционируют «шепелявые» мягкие сибиланты.

Существуют также и некоторые другие фонетические явления, идущие из праславянской древности, которые сохраняются в севернорусском ареале в условиях ареального взаимодействия. Это относится, в частности, к обнаруженной нами в архангельских говорах корреляции согласных по напряженности/ненапряженности. Первая наша публикация об этом относится к 1984 г., см. [Касаткин, Пауфошима 1984]. Позднее Л.Л. Касаткин привел целый ряд аргументов в пользу того, что корреляция согласных по напряженности/ненапряженности была ранее свойственна и другим говорам русского языка, но в процессе эволюции утрачена [Касаткин 1999: 244–245]⁸. В нашей совместной работе [Kasatkin, Paufoshima 1985] было показано, что консервации этой реликтовой черты в севернорусских говорах способствовало финно-угорское окружение.

В наших публикациях мы отмечали комплексный характер дифференциального признака напряженность / ненапряженность (*fortes/lenes*). Он базируется на нескольких фонетических составляющих. Проявления этого признака: 1) прогрессивное оглушение сонантов после сильных (глухих) шумных согласных: *плыть, трава, литр, тфой, сфой* и т.д.; 2) озвончение интервокальных глухих и оглушение интервокальных звонких: [пад]о́г – бато́г, со[па́га] – соба́ка; 3) эллипсис интервокальных слабых (звонких) согласных: да[й]м – дади́м, де[у]шка – де́вушка и де́душка (!), зна[а]шь – знае́шь, лю[и] лю́ди, на[о] – на́до, но[у] – но́вую и но́гу, хо[и]м – хо́дим⁹ и т.д.; 4) продление глухих (сильных) согласных в предконсонантной позиции: ко́[ф:]та, ло́[ш:]ка, ми́[с:]ка, на́[х:]-та́ и др.; 5) придыхательность глухих смычных в определенных позициях¹⁰: [тʰ]а́шка – су́мка, [тʰ]а́мока – та́мо-ка, [пʰ]а́ла – уна́ла, [пʰ]а́ужна – у́жин, [кʰ]а́ша – ка́ша, [кʰ]у́рим – ку́рим и др.

Приведенный набор фонетических явлений, составляющих дифференциальный признак напряженность/ненапряженность, может присутствовать в говоре в полном виде, как это наблюдается в обследованных нами говорах Архангельской обл., либо частично, как это представлено на остальной территории севернорусского наречия¹¹.

Особого внимания заслуживают субстратные явления в области просодии. Остановимся на двух из них: на характере примыкания звуковых сегментов в речи и особенностях словесной просодии. Норвежский славист Олаф Брок еще в начале XX века отметил, что языки могут отличаться друг от друга степенью примыкания согласных к гласным [Брок 1910]. Под сильным примыканием понимается особый способ соединения гласного с последующим согласным – плотный, как в германских языках, противопоставленный неплотному, слабому, как в языках славянских. Акустическим коррелятом сильного примыкания является сокращение длительности переходного участка от гласного к согласному. В звуковых системах с сильным примыканием его манифестацией в речи являются имплозивные и геминированные согласные.

Севернорусским говорам, в отличие от литературного языка, свойственно сильное примыкание речевых сегментов друг к другу (см. об этом [Касаткина 1998]). Способом примыкания в том или ином идиоме определяется структура слога и характер слогаделения. Как показали исследования Л.В. Бондарко, русскому литературному языку по преимуществу присущи открытые слоги [Бондарко 1977]¹². Иное положение су-

⁸ Корреляция согласных по ДП напряженность/ненапряженность свойственна и многим другим славянским языкам, например, близкородственному украинскому, о чем свидетельствует ряд фонетических явлений, см. [Пауфошима 1969: 194], а также польскому, чешскому и др.

⁹ Несколько примеров эллипсиса интервокальных звонких согласных приводятся в [Кузнецов 1949: 30].

¹⁰ Придыхательность/непридыхательность многие лингвисты рассматривают как самостоятельный дифференциальный признак, см. [Либерман 2003: 884–885].

¹¹ На одно из проявлений ДП напряженность / ненапряженность – оглушение сонантов после начальных глухих смычных согласных в говорах Пинежского района Архангельской области – обратила внимание также Л.Э. Калнынь [Калнынь 2005: 84].

¹² По мнению Л.В. Бондарко, это относится не только к внутрисловным слогам (*ве-сна́, до́-чка, ко́-шка, то-лпа́, фи́-рма* и т.п.), но и к конечным слогам, заканчивающимся согласным (*кот, сон, ток* и т.п.). В таких случаях возможно возникновение так называемой побочной слоговости: *ко-т², со-н², то-к²*.

ществует в русских диалектах. В работе [Пауфошима 1977] было показано, что в отношении структуры слога русское диалектное пространство неоднородно: севернорусские говоры по этому признаку противопоставлены всем другим говорам русского языка, так как в них наряду с открытыми внутрисловными слогами возможны и закрытые слоги. В частности, в тех случаях, когда в ходе эксперимента возникает вопрос о слоговой сегментации цепочки -VCC-, севернорусы обычно выбирают вариант -VC|C- в отличие от других носителей русского языка, предпочитающих сегментацию -V|CC. Базовым признаком для такого слогоделения служит характер примыкания речевых сегментов. Позднее Л.Э. Калнынь и Л.И. Масленникова на другом севернорусском материале и с применением другой методики полностью подтвердили это положение, см. [Калнынь, Масленникова 1985].

Кардинальное отличие севернорусских говоров от других региональных разновидностей русского языка заключается в особенностях ритмической структуры (метрики) слова.

Типологии словесных ритмических структур в диалектах русского языка посвящена работа [Высотский 1973], где в основу классификации различающихся моделей слова положены два просодических параметра: длительность и интенсивность (без учета тональных характеристик). В работе [Пауфошима 1983: 63–75] отмечена особая ритмико-мелодическая структура слова, характерная для ряда вологодских говоров – с сильным и высоким (тонально высоким) началом и слабым, тонально низким завершением, что создает впечатление ударения – основного или второстепенного – на первом слоге слова, например: *жѐребѣй, журавлѐм, кла́дови́к, Ни́кола́й, о́деяло, па́пиро́ска, по́лотѐнце-то, ста́рики-ти, бе́регли, пи́роги, ме́ховая, На́стасія, о́дева́лисе, при́ворожи́ть* и т.д. (примеры из говоров Харовского и Биряковского районов Вологодской обл.).

В соответствии с концепцией Т.М. Николаевой о типологической роли акцентогенности разных участков слова (начала, середины или конца) в разных языковых системах [Николаева 1993], севернорусское наречие относится к тем идиомам, в которых просодически активно (акцентогенно) начало слова, в отличие от говоров с неполным оканьем и сильным аканьем, где просодически активна центральная часть слова [Пауфошима 1996]. На просодическую выделенность слога, находящегося через один от ударного (преимущественно в предударной части слова), в вологодском говоре указывал О. Брок в классической работе о говоре Тотемского уезда [Брок 1907]. При таком способе акцентирования выделенным обычно оказывается не только слог, несущий ударение, но и первый слог в слове.

О подобном явлении в говорах Архангельской области писал и П.С. Кузнецов в статье о говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы: «В многосложных словах обычно развивается, помимо главного, вторичное ударение. Особенно заметно оно в более чем трехсложных словах» [Кузнецов 1949]. То же явление отметила в одном архангельском говоре Е.А. Брызгунова, определив его как ритмизацию речи [Брызгунова 1977: 247].

Волнообразная структура просодического контура слова с усилением и продлением начального слога в слове в севернорусских говорах проанализирована в работе [Альмухамедова, Кульшарипова 1980].

В этом отношении представляется весьма важным, что позднее было отмечено типологическое сходство заонежского ляпанья (т.е. переноса словесного ударения на первый слог), которое безоговорочно относится к субстратным явлениям, с просодией слова в вологодских говорах. Это наблюдение принадлежит З.М. Альмухамедовой [Альмухамедова 1988].

Все приведенные факты могут быть обобщены следующим образом: севернорусские говоры характеризуются просодически сильным началом слова. Использование предложенного Т.М. Николаевой разграничения просодической схемы слова (автоматизированного феномена, интроспективно не замечаемого [Николаева 1993: 23]) и словесного ударения (валоризованного, перцептивно значимого факта) позволяет все перечисленные просодические явления объединить в одно общее – акцентогенность начала слова. Эта просодическая характеристика относится как к севернорусским говорам, так

и к прибалтийско-финским языкам: в них ударение падает всегда на первый слог, а в некоторых, например, в финском языке при этом регулярно усиливаются нечетные слоги [Ваахтера 2009: 107–108]¹³.

В настоящей статье не рассматриваются вопросы фразовой интонации контактирующих идиомов, можно только высказать предположение, что севернорусское наречие отличается от остальных русских говоров ярко выраженной интонационной спецификой, и это может быть связано с проявлением прибалтийско-финского субстрата. Впрочем, этот вопрос еще ждет своих исследователей.

Как было показано, субстратное влияние проявляется на разных языковых уровнях, но его следы дольше всего сохраняются в фонетике, преимущественно в просодии, а также на уровне дифференциальных признаков (особенности корреляции согласных по напряженности/ненапряженности, особенности тембровой корреляции), т.е. на тех уровнях, которые менее всего поддаются контролю со стороны говорящих.

Нетрудно заметить, что почти все перечисленные языковые факты выходят за пределы славяно-балто-финской общности и распространяются на северо-запад и запад, охватывая ареал северногерманских языков. Тем самым типологическое сходство выявляется не только между контактирующими системами севернорусского наречия и прибалтийско-финских языков, но и в таких территориально отдаленных от них языках, как английский, датский, голландский, фризский, нижненемецкие диалекты, не говоря уже о ближайшем лингвистическом окружении севернорусского наречия – шведском и норвежском языках и их диалектах. Выясняется, что существует некий языковой континуум, которому присущи многочисленные общие черты.

И здесь следует обратиться к концепции языкового союза. Известно, что идея «языкового союза» принадлежит Н.С. Трубецкому. В 1923 г. он предложил разграничивать два типа группировки языков: «языковые союзы» (*Sprachbunde*), обладающие заметным сходством в синтаксической, морфологической и фонологической структуре, и «языковые семейства» (*Sprachfamilien*), обладающие общим фондом морфем и обиходных слов. Первые объединения – ареальные, вторые – генетические [Трубецкой 1923]. Позднее, в 1931 г., Р.О. Якобсон напишет, продолжая рассуждения на эту тему А. Мейе, что единство существует во множестве, и «языковая общность не предполагает полного тождества в языке». Так возникло важное понятие «тождественного развития» языков. «Структурное сходство, охватывающее смежные языки, – замечает Р.О. Якобсон, – соединяет их в союз. Союз языков является более широким понятием, нежели понятие семьи; последняя является всего лишь частным случаем союза» (цит. по [Якобсон 1985]).

С развитием ареальной лингвистики уточнялись и представления о языковых союзах. Согласно Д.И. Эдельман, языковой союз – это ареальный класс языков, объединенных совокупностью разноуровневых признаков, возникших в ходе конвергентного развития. В основе объединения языков в союз лежат как субстратные явления, появившиеся благодаря языковым контактам, так и генетические, обусловленные происхождением языков из одного источника [Эдельман 1978: 113].

К настоящему времени выявлено и верифицировано несколько языковых союзов, таких, например, как всеми признанный балканский, а также гималайский (центральноазиатский), индокитайский, волго-камский и др. Менее известен северный (точнее северноевропейский) или, согласно [Décsy 1973], циркум-балтийский языковой союз.

Д.И. Эдельман и Т.В. Цивьян отмечают, что вхождение того или иного языка в языковой союз может быть полным или частичным, в зависимости от наличия в нем всех признаков данного союза или только некоторых из них [Эдельман, Цивьян 2005: 13]. Поэтому можно утверждать, что имеются черты, объединяющие все входящие в состав союза идиомы, в то время как другие черты могут быть свойственны только некоторым членам союза или относиться лишь к некоторым регионам.

¹³ По данным А.А. Зализняка, такая метрическая структура слова была свойственна и другим русским диалектам, см. [Зализняк 1978].

В грамматике северный языковой союз характеризуется такой общеобъединяющей чертой, как наличие постпозитивного артикля, как в шведском, норвежском и датском языках, или соответственно артиклеобразных постпозитивных частиц, как в прибалтийско-финских языках и севернорусских говорах. Этому явлению посвящено много работ, особенно в последнее время [Leinonen 1998; Stadnik-Holzer 2004].

В фундаментальной работе «Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den Skandinavischen Sprachen» Ю.К. Кузьменко показал, что суффиксация определенного артикля в скандинавских языках (шведском, норвежском, датском) является следствием языковых контактов между этими языками и прибалтийско-финскими (саамскими) [Kuzmenko 2001]. В эту ситуацию вовлечены и севернорусские говоры с их активными постпозитивными частицами.

В словообразовательной системе некоторые члены северного языкового союза объединяются наличием суффикса -ск-: этот суффикс имеется в шведском, норвежском, фризском, а также в русском и польском языках.

В фонетике «общесоюзной» чертой, относящейся ко всем членам этого языкового объединения, является корреляция согласных по напряженности / ненапряженности, свидетельством чего служат следующие черты: сильное примыкание («closed juncture»), которым определяется специфика слоговой структуры идиома (подробнее об этом см. выше), противопоставление придыхательных / не придыхательных согласных (см., например [Стеблин-Каменский 2003: 796; Либерман 2003: 884–885]), прогрессивное оглушение сонантов в постконсонантных позициях, спорадическое оглушение звонких и озвончение глухих согласных, эллипсис интервокальных слабых согласных.

Для всех языков и диалектов, образующих северный языковой союз, характерна обсуждавшаяся выше словесная просодия с сильным началом (акцентогенное начало слова, по Т.М. Николаевой), что выражается в инициальной позиции словесного ударения или в появлении начального второстепенного словесного ударения (во всех севернорусских говорах).

Для прибалтийско-финских языков, входящих в северный союз, и для части северногерманских (нидерландского, датского, фризского, нижненемецких говоров, некоторых диалектов норвежского и шведского языков) характерно существование только одного ряда сибилантов – свистящих и отсутствие шипящих (см., например [Noteboom, Coen 1984; Воронкова 1966]). Как было показано выше, в севернорусских говорах существуют многочисленные следы утраченного «соканья» и «шоканья». Свидетельством утраченного неразличения сибилантов является цоканье.

Черты неразличения свистящих и шипящих проявляются в говорах польского языка (так называемое «мазурение»), см. [Селищев 1931].

Кроме этих кардинальных черт, свойственных языкам – членам северного языкового союза, существует множество произносительных особенностей, существующих на дофонемном уровне, которые Д.И. Эдельман называет «глубинными»: наличие альвеолярных и какуминальных зубных согласных, впервые обнаруженных в севернорусских говорах А.М. Кузнецовой [Кузнецова 1969: 69], а в скандинавских языках М.И. Стеблин-Каменским [Стеблин-Каменский 1962] и Ю.К. Кузьменко [Кузьменко 1972], спонтизация интервокального [г], отмеченная в севернорусских говорах как субстратная черта С.С. Высотским (см. выше), а в нижненемецких и фризских диалектах В.М. Жирмунским [Жирмунский 1956], преобладание прогрессивных коартикуляционных явлений (аккомодаций и ассимиляций), многоударное («раскатистое») [р], свойственное некоторым севернорусским говорам и таким прибалтийско-финским языкам как эстонский и финский, а также скандинавским языкам, что позволяет говорить о включенности севернорусских говоров, так же как и скандинавских, прибалтийско-финских языков и некоторых польских говоров, в рамки северного языкового союза.

Возникает вопрос, достаточно ли перечисленное количество общих черт для объявления северноевропейской, или циркум-балтийской, языковой общности языковым союзом? Как отмечали Д.И. Эдельман и Т.В. Цивьян, само определение языкового союза имеет приблизительный, «рабочий» характер: «нет жестких критериев того, сколько

и каких именно общих черт в фонетической, морфологической, синтаксической структурах, в лексике необходимо и достаточно для того, чтобы отождествить ту или иную группу языков как “языковой союз”, в отличие от других ареальных конвергентных групп» [Эдельман, Цивьян 2005: 13]. Здесь важно еще раз отметить, что в настоящей статье рассмотрены, в основном, фонетические черты и лишь только некоторые грамматические. Более глубокий анализ других языковых уровней, возможно, пополнит этот список¹⁴.

Как было показано, степень представленности сходных компонентов в разных членах языковых объединений может быть различной: в одних языках имеется полный набор таких компонентов, в других отмечены лишь некоторые. Но при этом важно отметить, что и каждая из объединяющих особенностей может характеризоваться в разных идиомах разными степенями развитости (валоризованности). Так, активность постпозитивных частиц в одних языках (северногерманских) выражается в появлении постпозитивного артикля, тогда как в других соответствующие частицы не имеют артиклевой функции, оставаясь дейктическими, эмфатическими (в севернорусских говорах) или посессивными (в прибалтийско-финских языках), выполняя спорадически и лишь на дискурсивном уровне роль артикля.

Акцентогенность начала слова наиболее ярко выражается в инициальном словесном ударении, что и отмечается в большинстве языков – членов северного языкового союза. В севернорусских говорах та же тенденция выражается в появлении инициального побочного (дополнительного) ударения. Разными степенями выраженности в разных языках характеризуется также корреляция по напряженности/ненапряженности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что разграничить в языковом континууме при контакте неродственных языков ареальное воздействие и генетически исконное тождество – задача непростая, поскольку специфику севернорусских говоров составляют как субстратные, так и генетические черты, сохранившиеся во многом благодаря субстрату.

Была показана также важная роль произносительных особенностей, проявляющихся на дофонемном уровне, – своего рода скреп, связывающих как родственные, так и ареальные языковые объединения.

Вопрос о том, достаточно ли обсуждаемых языковых особенностей севернорусских говоров для определения их как части языкового союза, не может быть окончательно решен до выявления общих признаков в морфологии, синтаксисе, лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1949 – Р.И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
Агранат 2005 – Т.Б. Агранат. Некоторые черты контактного взаимовлияния языков на побережье Балтийского моря // Конф. «Языковые союзы Евразии». Тезисы докл. Москва, 14–16 ноября 2005. М., 2005.
Альмухамедова 1988 – З.М. Альмухамедова. К изучению просодии слова и фразы в русских говорах Заонежья // Фонетические и орфографические исследования. Ижевск, 1988.
Альмухамедова, Кульшарипова 1980 – З.М. Альмухамедова, Р.Э. Кульшарипова. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
Бондарко 1977 – Л.В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
Брок 1907 – О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. Т. 83. 1907. № 4.
Брок 1910 – О. Брок. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2. СПб., 1910.

¹⁴ Даже поверхностный обзор лексики выявляет целый ряд «общесоюзных» слов, например, севернорусск. *láhma* (залив), фин. *lahti*, эст. *laht*; севернорусск. *táška* (сумка), нем. *Tasche* (сумка, карман), дат. *taske* (карман), фин., эст. *tasku* (карман); русск. *море*, польск. *morze*, нем. *Meer*, фин., эст. *meri*.

- Брызгунова 1977 – *Е.А. Брызгунова*. Анализ русской диалектной интонации // С.С. Высотский (ред.). Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Ваахтера 2009 – *Й.М. Ваахтера*. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области // *Slavica Helsingiensia*. 37. Helsinki, 2009.
- Воронкова 1966 – *Г.В. Воронкова*. Сибиланты в норвежском (синхрония и диахрония): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
- Востриков 1990 – *О.В. Востриков*. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
- Высотский 1973 – *С.С. Высотский*. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Высотский 1978 – *С.С. Высотский*. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // С.С. Высотский (ред.). Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.
- Галинская 2002 – *Е.А. Галинская*. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Жирмунский 1956 – *В.М. Жирмунский*. Немецкая диалектология. М., 1956.
- Зализняк 1978 – *А.А. Зализняк*. Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5.
- Зализняк 2004 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Калнынь 2005 – *Л.Э. Калнынь*. Синтагматика сонантов в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2005.
- Калнынь, Масленникова 1985 – *Л.Э. Калнынь, Л.И. Масленникова*. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Касаткин 1999 – *Л.Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин, Пауфошима 1984 – *Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Пауфошима*. К лингвогеографическому описанию Архангельской области. Напряженность-ненапряженность согласных в говорах Пинеги и Мезени // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. (Ужгород, 18–20 сент. 1984 г.) Тезисы докл. и сообщ. Т. 1. М., 1984.
- Касаткина 1998 – *Р.Ф. Касаткина*. Наблюдения Олафа Брока над характером примыкания согласного к гласному в русском и других славянских языках и современная интерпретация этого явления // A Century of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Oslo, 1998. Slavistika Vilnensis 1997. История. Культура. Язык. Vilnius, 1998.
- Касаткина, Касаткин 1998 – *Р.Ф. Касаткина, Л.Л. Касаткин*. Неразличение свистящих и шипящих согласных в языке русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон // Slavistika Vilnensis 1997. История. Культура. Язык. Vilnius, 1998.
- Кузнецов 1949 – *П.С. Кузнецов*. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949.
- Кузнецова 1969 – *А.М. Кузнецова*. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // С.С. Высотский (ред.). Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Кузнецова 1977 – *А.М. Кузнецова*. Разновидности способа образования согласных // С.С. Высотский (ред.). Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Кузьменко 1972 – *Ю.К. Кузьменко*. Дорсальные согласные в шведском языке // Скандинавский сборник XVII. Таллин, 1972.
- Либрман 2003 – *А.С. Либрман, М.И. Стеблин-Каменский*. Взгляд на его творчество и воспоминания // М.И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. СПб., 2003.
- Матвеев 2001 – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия русского Севера. Т. 1. Екатеринбург, 2001.
- Матвеев 2004 – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия русского Севера. Т. 2. Екатеринбург, 2004.
- Матвеев 2007 – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия русского Севера. Т. 3. Екатеринбург, 2007.
- Мызников 2004 – *С.А. Мызников*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: лингвистический и этимологический анализ. СПб., 2004.
- Николасва 1993 – *Т.М. Николаева*. Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // ВЯ. 1993. № 2.

- Панов 2004 – М.В. Панов. Фонетические «фантомы F» // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004.
- Пауфошима 1969 – Р.Ф. Пауфошима. Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости-звонкости согласных в говорах русского языка // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Пауфошима 1977 – Р.Ф. Пауфошима. О структуре слога в некоторых русских говорах // С.С. Высотский (ред.). Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Пауфошима 1983 – Р.Ф. Пауфошима. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Пауфошима 1996 – Р.Ф. Пауфошима. Среднерусские говоры и ритмика слова // Т.М. Николаева (ред.). Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Селищев 1931 – А.М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках // *Slavia*. X. Рос. 4. 1931.
- Стеблин-Каменский 1962 – М.И. Стеблин-Каменский. История альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском // Второй семинар по исторической фонологии германских языков. 25–26 сентября 1962. Тезисы докл. Л., 1962.
- Стеблин-Каменский 2003 – М.И. Стеблин-Каменский. Возникновение альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском // Труды по фонологии. СПб., 2003.
- Трубецкой 1923 – Н.С. Трубецкой. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Т. 3. Берлин, 1923.
- Эдельман 1978 – Д.И. Эдельман. К теории языкового союза // ВЯ. 1978. № 3.
- Эдельман, Цивьян 2005 – Д.И. Эдельман, Т.В. Цивьян. Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М., 2005.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. О теории фонологических союзов между языками // Избранные работы. М., 1985.
- Crystal 1987 – D. Crystal. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987.
- Décsy 1973 – D. Décsy. Die linguistische Struktur Europas: Vergangenheit-Gegenwart-Zukunft. Wiesbaden, 1973.
- Kasatkin, Paufoshima 1985 – L.L. Kasatkin, R.F. Paufoshima. Possible Finno-Ugric influence on some phonetic traits on the North Russian dialects // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24–30. VII. 1985. Тезисы. Т. 1. Языкознание. Сыктывкар, 1985.
- Kuzmenko 2001 – Ju.K. Kuzmenko. Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den skandinavischen Sprachen // Язык и речевая деятельность. Т. 4. Ч. 1. СПб., 2001.
- Leinonen 1998 – M. Leinonen. The postpositive particle *-to* of Northern Russian dialects, compared with Permic languages (Comi Zyryan) // *Studia Slavica Finlandensia*. XV. 1998.
- Noteboom, Coen 1984 – S. Noteboom, A. Coen. Spreken en verstaan. Assen, 1984.
- Saarikivi 2006 – J. Saarikivi. Substrata Uralica. Tartu, 2006.
- Stadnik-Holzer 2004 – E. Stadnik-Holzer. Grundsatzliches zur Erforschung des eurasischen Sprachbundes (Methodologisches, Theoretisches, Historisches) // *ZSLPh*. 2004. №. 63.
- Wiedemann 1884 – F. Wiedemann. Grammatik der syrjanischen Sprache. СПб., 1884.
- Veenker 1967 – W. Veenker. Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache. Indiana University Publikations. Uralic and Altaic Series 82. Bloomington, 1967.